

Установление материнского происхождения ребенка: проблема интерпретации действующих семейно-правовых норм

Е.Г. Комиссарова

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Автор анализирует основополагающие идеи, положенные законодателем в основу действующего порядка установления материнского происхождения. Этот аспект проблемы фактически выпал из научных рассуждений, сделав алгоритм ее теоретического описания тенденциозным и во многом гибридным, где оказалось много смещений и неточностей. В целях достижения концептуальной ясности по проблеме и стабилизации ее логических смыслов сформулированы выводы о том, что установление происхождения ребенка «по матери» – это всегда поиск связи с актом рождения, а не актом зачатия, кровным родством, браком, отцовским происхождением; материнство в праве – это не расплывчатое биологическое и социальное понятие, а унитарная юридическая категория, имеющая соответствующее правовое наполнение; порядок установления материнского происхождения является учредительным, и по общему правилу в нем нет места желаниям, намерениям и индивидуальной воле третьих лиц. Эти юридические сущности делают бессмысленными рассуждения о «разных» матерях – законных, частично биологических, частично генетических, приемных, социальных. Цель семейного законодательства связана с защитой биологической основы материнства – это стратегия действующего официального правопорядка. Следуя ей, законодатель сопротивляется тем случаям, когда речь идет о признании материнства за нерожавшей женщиной, допуская иное в порядке исключения.

Ключевые слова: материнство, установление материнского происхождения, потомственная поколенная связь, кровное родство, биологический приоритет, брак, рожденный ребенок.

Практически ординарным в науке семейного права стало то положение, при котором любые рассуждения об установлении происхождения ребенка оказываются сведенными к технологическим возможностям и эффектам. Ситуация в равной мере затронула как проблему материнского, так и отцовского происхождения. Это позволило возникнуть теоретической иллюзии, согласно которой эволюцией семейно-правовых норм о происхождении ребенка управляет не позитивное право, опирающееся на предшествующие традиции и прошлый опыт советских кодификаций, а биомедицинская реальность.

На самом деле это, конечно, не так – сенсационные возможности репродуктивной медицины сами по себе не способны изменить законодательное видение того, как должен быть устроен институт происхождения ребенка, а нормы о происхождении ребенка не являются простой копией такой реальности. Как отметила А.М. Нечаева, «семейное право и его институты далеко не реалистичные явления ... их объективное понимание в значительной степени зависит от глубины понимания целей семейного права, изучения происходящих в его недрах процессов и их сочетания с вопросами общегосударственного масштаба» [5]. Опора на эту максиму дает возможность подойти к описанию семейно-правового порядка установления материнского происхождения и его ценностей методологически обоснованно, не обходя научным вниманием базовую стратегию действующего правопорядка, защищающего биологическую основу материнства.

Для права понятия «материнство» и «установление материнского происхождения» являются исключительно юридическими. Прежде чем обрести качество юридической конструкции, материнство прошло долгий путь – от естественного, вневременного и обыденного компонента женской идентичности до его природного и после биологического описания. Дольше других состояний оно просуществовало в границах простого онтологического закона, который, отражая реально существующую телесность материнства, гласил, что матерью ребенка является та, которая рождает. В средневековой культуре природная логика биологического материнства слилась с божественно должным и многие века составляла суть церковного порядка определения принадлежности ребенка родившей матери и ее супругу.

Это было актом отмены безразличия к природе женщины, способной воспроизводить человеческое потомство. О нем свидетельствовало признание кровного родства не просто фактом природным, а священным фактом. Благодаря этому открытию рождение ребенка стало приниматься исключительно как происхождение «плоти от плоти» и это понимание ушло в следующие века. Продолжением плотского видения материнского происхождения ребенка стало понимание того, что функция женщины как матери особенно ценна в брачном союзе. Так материнство оказалось «привязанным» к брачной связи. Эта привязка породила легализацию брачного происхождения ребенка, пробудив мысль о необходимости защиты брака. В целях его защиты христианский мир разделил материнское происхождение на брачное и внебрачное.

После того как порядок установления материнского происхождения попал в сферу нормативного регулирования, было выпестовано окончательное юридическое правило, по смыслу которого «материнство устанавливается на основании документа, подтверждающего рождение ребенка в медицинской организации» (п. 1 ст. 48 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)) [1].

Точное прочтение законодательной логики позволяет понять, что это правило активно всегда, включая последствия гестационной беременности, исход которой подчинен правилу биологического приоритета в материнском происхождении. И значит, рождение ребенка суррогатной матерью не отменяет эту максиму автоматически. Нормативный ориентир, согласно которому «законная мать и мать рожаящая – это одно и тоже лицо», может быть отменен лишь в том случае, если гестационная мать реализует данное ей законное право выразить согласие на запись родителями лиц, находящихся в (медицинском) статусе потенциальных родителей. Если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями этих третьих лиц, правило о материнстве рожаящей женщины вступает в силу в качестве общего (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Установление в законе порядка установления материнского происхождения, при всей его биологической видимости, указывает на то, что материнство по нормам СК РФ – это не просто определение лица, которому надо передать или приписать рожденного ребенка, а специальный нормативный, а значит, предсказуемый порядок, учреждаемый в нормах семейного права. Цель такого учреждения – идентифицировать родившую мать, через нее предполагаемого брачного отца или столь же предполагаемого внебрачного отца, давшего согласие на отцовство, или же отца действительного, установленного принудительно в судебном порядке. Юридическая и одновременно культурная ценность такого порядка состоит в том, что по его итогам рожденный ребенок, имеющий право на семейный уход, заботу и воспитание (ст. 7 Конвенции о правах ребенка, ст. 54 СК РФ) включается в семью происхождения.

Рождение ребенка – событие многоаспектное и разноотраслевое. В его описании отметились философы, богословы, антропологи, представители медицины, биоэтики и юристы. В этом аспекте всегда есть, что описать, сообщить и пересказать с заходом в область чувств, намерений, сокровенных желаний, медицины и биоэтики, фактических взаимодействий разных участников «родительских проектов» и т. д. Но юридический интерес к акту рождения является строго предметным и потому ограниченным и сосредоточен он исключительно на семейно-правовых последствиях состоявшегося акта рождения жизнеспособного ребенка. Отсюда берет свое начало каталог идей, принципов, императивов, оформляющих смысл этих последствий, и специальный семейно-правовой словарь терминов, с помощью которого создано такое нормативное построение как «установление происхождения ребенка».

Терминологический ряд, оформляющий порядок установления материнского происхождения, большой просторностью не отличается (п. 1, 2 ст. 48; ст. 51 СК РФ). Он ограничен такими юридическими понятиями, как: материнство; рождение ребенка матерью; мать ребенка;

мать, не состоящая в браке; лица, состоящие в браке или одинокая женщина, давшая согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка; суррогатная мать как женщина, родившая ребенка; оспаривание материнства. Наряду с нормативным существует более развернутый научный словарь. Его ценность заключена в возможности проведения формально-логического анализа действующих норм о происхождении ребенка и способности дать развернутую теоретическую интерпретацию тому, что хотел сказать законодатель. Несмотря на различие целей, степень емкости и разнообразия, нормативный и научный словарь должны действовать в сопряжении, не допускать смысловых и концептуальных расхождений, поскольку речь идет об описании не просто явления, а явления юридического. Однако при описании порядка установления материнского происхождения эти расхождения случились.

Причина такого положения малоизвестна, но она реально существует. И состоит она в том, что все современные авторы, в той или иной мере прикоснувшиеся к проблеме установления происхождения ребенка, неявно и пока неосознанно разделились на две группы: те, которые подходят к проблеме, описывая ее в традиционном видении (рождение – государственная регистрация – родительские права и обязанности), и те, которые оказались заложниками техногенного подхода. Первые ориентируются на обычаи, традиции, медленные темпы эволюции семейно-правовых норм о происхождении ребенка и силу регламентирующих процедур. Вторые избегают погружения в культуру преемственности и традиции ею порожденные, уходят в динамичные и, как представляется, более актуальные представления о репродуктивной вариативности, технологической новизне. Неизбежным спутником техногенных взглядов является создание новых ценностей (прогресс, индивидуальная воля, новые виды прав) и новых понятий (технологическое зачатие, родительский проект, социальная мать (отец), социальное происхождение и т. д.).

Система ориентиров, идей и ценностей, образующих основу традиционного подхода, основанного на человеческой телесности, существенно отличается от ценностей, продвигаемых техногенным подходом, где биология теснится генами, технологическое зачатие становится точкой отсчета для рассуждений о происхождении ребенка, а воля участников «родительского проекта» может отменить учредительный порядок установления материнского происхождения.

Если учесть, что все, что связано с семьей и человеческим воспроизводством, во всех государствах уходит своими корнями в глубокую греко-римскую цивилизацию, подчиняясь медленной и потому естественной эволюции развития, то следует признать, что ценности техногенного подхода к обсуждению семейно-правовой проблемы происхождения ребенка имеют весьма ограниченное

значение. Он как минимум ударяет по традициям этого института, а как максимум ориентирован на отторжение той эталонной модели, которая в качестве цельной и во многом неразделимой зафиксирована в действующем законодательстве (гл. 10 СК РФ). Для автора этот тезис является методологически значимым и его последующие суждения о порядке установления материнского происхождения будут основаны на традиционном видении этого порядка – том, которое совпадает с его позитивно-правовым видением и в основе которого лежит ориентир на биологическую реальность как общее правило, в содержании которого есть краткие «технологические» исключения, находящиеся под прикрытием биологической реальности.

Вопросу о материнском происхождении в его собственном предметном значении как в истории, так и в современности досталось не так много внимания, если не считать таковым многочисленные линейные описания истории незаконнорожденности. Итоги такого невнимания в конце XX в. весьма метафорично описали представители американского феминистического движения, указав, что «мы знаем больше о воздухе, которым дышим, о морях, по которым путешествуем, чем о природе и значении материнства» [12]. Были также названы и причины концептуальной обедненности этой проблематики в виде указания на то, что «материнская сфера относится к числу особенно приватных, где индивидуальное измерение слишком высоко, в то время как следовало думать о жизни коллективной» [10].

Действительно, будучи признанным «плотью от плоти», «материнство мало о чем спрашивало» [4, с. 125] – за него слишком многое говорила биология (кровнородственная потомственная связь) и явная очевидность (беременность и роды). На готическом языке материнская терминология имела общеизвестный корень «матка», а достоверная этимология слов «мать», «материнство», «ребенок» была бесспорной. Это априори придавало материнскому происхождению ребенка доказанность без дополнительных фактов – ясность того, что ребенок произошел от матери и он плод ее чрева, считалась явной.

Факт бесспорной явленности очевидного повлиял не только на терминологию его современного описания, но и на устройство юридического порядка его установления по нормам позитивного права. В нем конструкция материнского происхождения нормативно выстроена как унитарная, в которой всегда есть биологический (телесный) компонент, акт рождения и намерение родившей женщины заботиться о рожденном ребенке. Это слияние дало основания для однозначного утверждения того, что мать беременная, мать рожаящая и юридически признанная мать – это одно и то же лицо без риска ошибки. Отсюда по нормам закона матерью является женщина, выносившая и родившая ребенка (п. 1 ст. 48 СК РФ).

Из этого правила есть два исключения. Первый случай – фиктивный, когда женщина усыновляет ребенка и на основании фикции, установленной в законе (ст. 124, 136 СК РФ), ребенок считается произошедшим от нее. Второе исключение также следует из закона, указывая на специальные правовые последствия в случае рождения ребенка суррогатной матерью, давшей впоследствии согласие на запись родителями лиц, предоставивших свой репродуктивный материал (п. 4 ст. 51 СК РФ). Как уже было замечено, речь идет именно об исключении, т.к. общий порядок установления материнского происхождения, применимый «для всех» остается действующим. Несмотря на то что это правило отступает от императива о биологическом приоритете, оно на самом деле поддерживает этот приоритет для всех остальных случаев.

Вопрос о вынужденной в таких случаях «раздвоенности» материнского происхождения, от которой категорически отказались немцы и французы, не желая по множеству причин конструировать специальные последствия этой диссоциации, оказался одним из спорных и весьма неметодологичным в своей конфликтной научной судьбе. Законодательный замысел «проконтролировать технологическую инновацию под маской традиционности» [7, с. 99] оказался распознан не всеми. Как и решение законодателя, основанное на необходимости исключить или скрыть одну из матерей – гестационную или потенциальную.

Предметом научного спора стал как вопрос о приоритете рожавшей (суррогатной) матери, так и вопрос о ее праве давать или не давать согласие, в зависимости от наличия или отсутствия которого законодатель постановляет, чья личность будет учтена при установлении материнского происхождения. В случае дачи суррогатной матерью согласия на запись матери генетической, согласившейся на имплантацию эмбриона в целях его вынашивания и рождения, гестационный приоритет рожавшей матери не действует и такая мать выпадает из процесса установления происхождения ребенка. Если суррогатная мать такого согласия не дала, то из процедуры установления материнского происхождения исключается личность генетической матери.

Юридические инструменты, позволяющие прибегнуть к таким исключениям, известны – вымысел или фикция того, что ребенок рожден суррогатной матерью, чтобы вывести эту мать из пространства права, если она дала согласие на запись матери генетической. И второй прием – умолчание в тех случаях, когда материнское происхождение установлено в отношении суррогатной матери как матери рожавшей, с сокрытием того факта, что репродуктивный материал принадлежал третьим лицам и было расщепление генетического и кровного происхождения.

Логика такого подхода общепонятна. Технологические инновации в организации репродуктивного процесса с точки зрения семейно-правовых последствий должны приниматься семейным законодателем в общей последовательности с тем, что является универсальным для случаев классического плотского деторождения, каких, безусловно, большинство. В этом состоит ведущая причина того, что ребенку, зачатому в результате искусственного оплодотворения, выношенному и рожденному суррогатной матерью, законодатель дает то материнское происхождение, которое сопоставимо с происхождением детей, зачатых физиологическим путем. Так достигается сохранение приверженности биологическим факторам в человеческом воспроизводстве и понятным критериям идентификации родивших и рожденных – беременность, роды, кровное родство.

Непрочитанность этой законодательной логики или ее обход по причине техногенного крена в семейно-правовом мышлении породили разное научное видение о том, на что следует ориентироваться при установлении материнского происхождения, если суррогатная мать не дала согласия на запись родителями родителей потенциальных.

Не станем воспроизводить все то множество технологических, генетических, прагматических и просто чувственных аргументов и высказываний, которых, в этом оппозиционном по отношению к законодательному видению, дискурсе высказано немало. Назовем те юридические дефициты, которые позволили ему стать таким – исключительно технократическим, негуманным, исторически безоглядным и монологическим. Наиболее явных три. Первый связан с недооценкой классического антропологического знания о кровном родстве и переоценкой знания биомедицинского. Второй – с отсутствием научного стремления признать, что в праве происхождения есть фундаментальное, всенаправляющее и универсальное знание, способное адаптироваться к интеграции в него всей той новизны, что пришла вместе с технологическими возможностями. Третий указывает на критичный отрыв семейно-правовых взглядов на последствия суррогатного материнства от биоэтических канонов.

Поскольку заданный объем текста не позволяет большего, остановимся на третьем виде научного дефицита – ему меньше всего досталось научного внимания в спорах на тему о том, кто «должен быть матерью» в том случае, если суррогатная мать «передумала».

Как указал Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО (IBC), серьезно озабоченный произвольной трансформацией видения того, кому отдается приоритет в случае спора по итогам гестационной беременности, принцип использования родов для признания материнства продолжает оставаться актуальным и сегодня, в том числе в контексте суррогатного материнства, законы в этом смысле не изменились [11, с. 140]. Подход основан на важном антропологическом послы, согласно

которому «рожающая суррогатная мать не может оставаться неизвестной для закона» и «отказать родившей матери в материнстве, если она его желает, негуманно». Истину о законодательном приоритете интересов беременной женщины, который техническому прогрессу отменить не дано [13, с. 380], блюдут все страны. Следует ей и российский законодатель, задавший суррогатной матери нормативную известность и наделивший ее правом законного приоритета.

Ценность такого подхода заключена не только в сохранении значимости рожающей матери – он соответствует императиву о том, что «по соглашению» участников дородового обязательства происхождение ребенка не устанавливается. Это всегда задача семейно-правового закона, ориентирующегося на концепцию кровного родства и биоэтические стандарты, которые видят безнравственным произвольное переопределение материнского и отцовского происхождения в случае вовлечения в репродуктивный процесс возможностей третьих лиц.

Биоэтические императивы с очевидностью основаны на том, что развитие репродуктивных биотехнологий не направлено на то, чтобы обходить биологические аспекты происхождения – ни сама биомедицина, ни биоэтика, ни семейный законодатель не заинтересованы в резких антропологических разрывах, последствия которых для человечества во многом являются непредсказуемыми. Отсюда в случае спора, возникшего по итогам конкуренции между генетическим и биологическим родством, законодателю разумнее и антропологически выгоднее имитировать естественный акт репродукции и его общий семейно-правовой исход в виде указания на биологическое происхождение ребенка, нежели автоматически отдавать приоритет тому, что искусственно технологизировано в целях оказания медицинской помощи лицам, страдающим бесплодием.

Отказ от этой истины и сугубо прагматический подход к проблеме установления материнского происхождения в случаях вовлечения в репродуктивный процесс ресурсов суррогатной матери, не пожелавшей дать согласие, породили тенденцию к трансгуманизации этой проблематики. Взглядов о том, что такую мать надо лишить права давать согласие потенциальным родителям после рождения ребенка, что равнозначно лишить ее материнства, немало. Но весьма заметно и то, что суррогатная мать как личность «пропадает» из поля зрения участников «родительского проекта» сразу после того, как заключен договор суррогатного материнства и подписано согласие на медицинские манипуляции. Она оказывается просто женщиной, которая обязана исполнить условия заключенного договора. Это противоречит философским, а сейчас уже и биоэтическим убеждениям о том, что «всякий раз, когда техническое новшество приводит к очень уж решительным поворотам в жизни общества, естественно предполагать существование и некоей гуманитарной парадигмы» [3, с. 13].

Однако пока философские и биоэтические аргументы остаются практически невидимыми в текущих дискурсах об установлении материнского и отцовского происхождения. Тогда как этот ресурс обладает наибольшим ресурсом нейтрализации того, что связано со заметным шлейфом дегуманизации в проблеме суррогатного материнства, уводящего в сторону инструментализации тела гестатора. О том, что этим телом руководит личность и, соответственно, поведение его обладателя, юристы вспоминают нечасто. Поводы разные, но чаще несуразные, обычно сводимые к запретам, имеющим отношение к договору суррогатного материнства, стороны которого «ни при каких условиях не должны иметь права на односторонний отказ от него после того как факт беременности суррогатной матери установлен» [9, с. 65].

Как представляется, наибольшим объяснительным потенциалом для преодоления подобных научных заблуждений обладает такая категория, как «достоинство личности». В попытках гуманизировать дискурс о человеке, она давно и надежно возведена юристами в универсальный и общезначимый принцип, в существовании которого можно никогда не сомневаться. В философском и юридическом знании концепция достоинства личности основана на цельности тела и личности его обладателя – человек априори обладает достоинством только потому, что он человеческая личность. Но в текущих представлениях о суррогатном материнстве этот принцип не вовлекается в процесс аргументации. Стертая личность суррогатной матери изредка возвращается к ней, но не в позитивных суждениях, а в девиантных. Обычно, когда надо указать на ее «недобросовестность в случае отказа дать согласие на запись родителями генетических родителей вопреки условиям договора» [2, с. 92] либо для целей констатации, что «суррогатная мать пользуется чужими биоматериалами неправоммерно» [6, с. 130].

Неудобства, причиняемые суррогатной матери с помощью аргументов, не учитывающих ее личностное начало, в науке семейного права часто компенсируются за счет социальной легитимации такой матери. Утвердительные суждения о том, что отношения по суррогатному материнству являются «ярким примером социального родительства» [8, с. 20], стали по сути ординарным способом отказа от аксиомы о том, что суррогатная мать, несмотря на всю специфику ее фактического и юридического положения, не лишена права на законное материнство и тот приоритет, который установлен для нее законом.

На деле название социальной матери матерью социальной – это не более чем теоретический прием, с помощью которого она заранее «выдворяется» за пределы действующего порядка установления материнского происхождения. Такая весьма примитивная форма теоретико-правового покровительства лиц, не имеющих по какой-либо причине законного родительского статуса «по рождению» ребенка или «по воспитанию», в последнее двадцатилетие стала научным штампом.

По умолчанию считается, что упоминание о социальности снижает порог конфликтности в проблеме родительского признания.

На самом деле социальные образы, весьма типичные для техногенного видения разных юридических проблем, ничего не меняют. Фактическим отцом или матерью считать себя может каждый – для этого не нужна ни законодательная власть, ни сила теоретического слова. Главное, чтобы при этом не нарушался норматив о том, что «родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения» (п. 1 ст. 68 СК РФ).

Отказать суррогатной матери в законном статусе можно только в единственном случае – если она дала свободное и осознанное согласие на запись лицам, предоставившим репродуктивный материал для вынашивания и рождения ребенка. Но это уже не столько отказ в материнстве, сколько юридический способ включить ребенка в ту семью, которая готова заботиться о нем и воспитывать его в благополучии. Если суррогатная мать такого согласия не дала, то в юридическую пустоту отправляется мать генетическая. Тогда, согласно идеологии «социального родства», социализируется эта мать и эта самая социализация ей также ничего не добавляет. Она на самом деле вытесняется из сферы действия права и это единственное последствие для семейного-правового регулирования.

Предметная заданность заявленной темы побудила автора «отделить» материнское происхождение от отцовского. Это разделение в рамках данной статьи не более чем условность, продиктованная намерением автора подчеркнуть аксиомы материнского происхождения. Сохраняя разность биологического назначения, материнское и отцовское происхождение в равной мере, работающие на персонификацию ребенка, друг друга дополняют и в интересах родившегося ребенка не являются разделимыми.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.
3. Куракин А.Л. Наука, техника, культура в контексте субъектной реальности: Междисциплинарное обозрение. М.: Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям, 2003. (Методологические проблемы развития науки и техники). 112 с.
4. Мицюк Н. А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2. С. 124–134.

5. Нечаева А.М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. 1-е изд. М.: ЮРАЙТ-ИЗДАТ, 2007.

6. Рубцова С.О., Бесецкая Н.А. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь и странах Европейского Союза // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия юридические науки. 2022 С. 128–133.

7. Степин В. С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: Доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием / под общ. ред. А.Н. Савенкова. Т. 1. М.: Институт государства и права РАН, 2019. С. 93–112.

8. Хасимова Л. Н., Ющенко Н.А. Историко-правовые аспекты развития российского законодательства об установлении происхождения детей // Вопросы экономики и права. 2018. № 118. С. 18–22.

9. Шилко В.В. Правовое регулирование договоров по применению вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2023. 210 с.

10. Knibiehler Y. Histoire des mères: du moyen-age à nos jours. Montalba, 1977 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/histoiredesmresd0000yvon> (дата обращения: 11.11.2024).

11. Palazzani L. Technologies de la Reproduction et débat mondial sur la bioéthique: analyse philosophique du rapport du Comité international de bioéthique de l'UNESCO sur l'ART et la paternité phénoménologie et conscience. 2020. № 19. P. 138–149.

12. Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/ofwomanbornmothe00richhttps://archive.org/details/ofwomanbornmothe00rich> (дата обращения: 11.11.2024).

13. Sento B. Anthropologie et bioéthique: réflexions de Maurice Godelier «Systèmes de parenté et formes de familles» // Études en sciences religieuses. 2015. T. 103. № 4. P. 373–384.

Об авторе:

КОМИССАРОВА Елена Генриховна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, SPIN-код: 4794-8799, AuthorID: 348863, ORCID: 0000-0003-4257-5673, e-mail: e.g.komissarova@utmn.ru

Establishing the maternal origin of a child: the problem of interpretation of current family law rules

E.G. Komissarova

Perm State National Research University, Perm
Tyumen State University, Tyumen

The author analyzes the fundamental ideas put forward by the legislator as the basis for the current procedure for establishing maternal origin. This aspect of the problem actually fell out of scientific reasoning, making the algorithm of its theoretical description biased and in many ways hybrid, where there were many confusions and inaccuracies. In order to achieve conceptual clarity on the problem and stabilize its logical meanings, the conclusions are formulated that establishing the child's "maternal" origin is always a search for a connection with the act of birth, not the act of conception, consanguinity, marriage, paternal origin; motherhood in law is not a vague biological and social concept, but a unitary legal category with appropriate legal content; The procedure for establishing maternal origin is constituent and, as a general rule, there is no place for the desires, intentions and individual will of third parties. These legal entities make it meaningless to talk about "different" mothers – legitimate, partly biological, partly genetic, adopted, social. The purpose of family legislation is related to the protection of the biological basis of motherhood – this is the strategy of the current official law and order. Following it, the legislator resists those cases when it comes to recognizing motherhood for an unborn woman, allowing otherwise by way of exception.

Keywords: *motherhood, establishment of maternal origin, hereditary generational relationship, consanguinity, biological priority, marriage, born child.*

About author:

KOMISSAROVA Elena – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Tyumen State University, SPIN-code: 4794-8799, AuthorID: 348863, ORCID: 0000-0003-4257-5673, e-mail: e.g.komissarova@utmn.ru

Комиссарова Е.Г. Установление материнского происхождения ребенка: проблема интерпретации действующих семейно-правовых норм // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 110–121.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.